

ХРОШКА.

СКИШЪ НИЛОВОЙ ПУСТЫНИ.

Думается, подъ памятниками старины въ широкомъ смыслѣ надо понимать и мѣста, ознаменованныя замѣчательными событіями, тѣсно связанныя съ воспоминаніями объ историческихъ личностяхъ, если даже въ эпихъ мѣстахъ и не сохранилось уже древней архитектуры. Въдъ часто, особенно во многихъ нашихъ древнихъ обителяхъ, такъ изумительно характерны самая мѣстность, природа, говорящія объ основателяхъ, о своеобразности ихъ шиповъ. Шакова, на примѣръ, Нилова пустынь, затерявшаяся въ дебряхъ Бѣлозерскаго уѣзда.

Когда пробираешься къ ней отъ Шексны сплошнымъ лѣсомъ, такъ вспоминаются «лѣса черные, блата, мхи и чащи непроходимыя», манившія нашихъ подвижниковъ. Отъ узкой дороги не идетъ въ сторону ни одной пропинки, и только мѣстамъ изъ чащи подбѣгаетъ удивительно красиво до самой воды заросшая деревьями и кустарникомъ рѣчка Сорка, чтобы опять таинственно исчезнуть въ глуши. Кругомъ топь и невысокій, но очень густой лѣсъ изъ ели, осины и березы. Надъ дорогой тучи комаровъ и оводовъ, облѣпляющихъ лицо, руки, оглушающихъ своимъ звономъ и шумомъ. Но вотъ лѣсъ порѣдѣлъ и открывается оцѣпленная имъ широкая поляна съ бѣлымъ монастыремъ по срединѣ и выбѣжавшей на просторъ рѣчкой, отъ которой монастырь и получилъ свое названіе. И дальше, версты на четыре, никакого жилья. Монастырь бѣдный, захудалый, всѣ каменные постройки насчитываютъ не болѣе 50 лѣтъ. Кругомъ засѣяныя поля, но будто бы еще на памяти старожиловъ лѣсъ подходилъ къ самымъ стѣнамъ и колокола висѣли на соснѣ.

Уже за поляной въ лѣсу, близко другъ отъ друга, два деревянныхъ скиша. Одинъ построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, жилъ преподобный Нилъ, но стѣнъ тогда не было и иноки жили въ отдѣльныхъ кельяхъ, на «верженіе камня» другъ отъ друга. Показываютъ колодезь, ископанный преподобнымъ. Деревянная церковь будто бы построена по плану существовавшей при немъ. Но самое интересное — деревянные стѣны съ воротами и башнями. Несмотря на недавніе шпилы и крыши, отъ стѣнъ вѣетъ большой стариной. Когда то онѣ

оказали самый монастырь и сюда были перенесены послѣ возведенія каменныхъ монастырскихъ построекъ. Шакъ характерны на видѣ четырехугольные срубъ башенъ съ маленькими оконцами и толстые вѣнды стѣнъ, какъ бы выдавшихъ не одно столѣтіе. Во всякомъ случаѣ, типъ старинныхъ монастырскихъ деревянныхъ оградений здѣсь очень выраженъ и, думается, въ этомъ отношеніи скипъ Ниловой пустыни замѣчательнѣе. Своеобразная красота почернѣвшихъ стѣнъ, въ лѣсной чащѣ, на фонѣ свѣжей сѣверной зелени и бѣлыхъ стволовъ березъ, вся окружающая природа такъ соотвѣтствуютъ представленію о знаменитомъ подвижникѣ. Одни лишены, сыро, сурово, комары ни секунды не даютъ покоя, но рядомъ очарованіе лѣсной тишины и свѣжести, дивныхъ здѣсь бѣлыхъ ночей, изумительнаго по красотѣ ночного неба, когда въ дальнихъ багровыхъ облакахъ изъ за лѣса изрѣдка сверкаютъ блѣдныя молніи и раздаются глухіе раскаты грома.

Какъ удивительна судьба двухъ обителей, столь отражающихъ черезъ много столѣтій лики ихъ основателей, знаменитыхъ противниковъ на соборѣ 1503 г. Радѣтель монастырскаго благоустройства Іосифъ Волоколамскій предсказалъ передъ смертью относительно своего монастыря: «мѣсто сіе святое не оскудѣетъ и обитель распростиранится». И вотъ эта обитель одна изъ богатѣйшихъ въ Россіи, огромная, бѣлокаменная, съ превосходными старинной архитектуры храмами, воротами, башнями, сіяющая золотыми главами. Она какъ бы вышла изъ лѣсу, на опушкѣ котораго стоитъ, и смотритъ на міръ, на открывающуюся далеко передъ ней прелестную долину рѣчки Сестры. И изъ долины на обитель волшебный видъ. Какъ бы черезъ 400 лѣтъ — торжество основателя, столь заботившагося о благолѣпіи и привлеченіи «честныхъ и благородныхъ старцевъ». А его ярый противникъ, поборникъ скипскаго житія, Нилъ Сорскій ушелъ въ свои лѣса дремучіе, гдѣ даже и стѣнъ не требовалось и колокольню могла замѣнить сосна, гдѣ, побѣдаемые комарами, спасались такіе же суровые старцы, нарочно жившіе на «верженіе камня», чтобы не мѣшали другъ другу въ своемъ скипскомъ уединеніи. И вотъ бѣдность обители, все еще отрѣзанной лѣсомъ отъ міра, почернѣвшія деревянные стѣны скипта, все та же чарующая суровость природы такъ еще говорятъ о ликѣ ея основателя, объ иныхъ монашескихъ идеалахъ, объ ушедшей въ прошлое красотѣ простоты и суровости.

А. Ростиславовъ.

